

Дворцовый слуга прошёл с подносом, на котором лежали голубые цветы для волос, и вставил их в вазы на столах.

На столах уже были подготовлены бумага и кисти. Девушки, выбравшие голубые цветы, начали свободно рисовать, дополняя свои работы стихами. Те, кто выбрал розовые цветы, по очереди выходили на сцену, чтобы продемонстрировать свои танцевальные навыки.

Се Юаньши не проявлял особого интереса к танцам и песням, с большим нетерпением ожидая демонстрации картин.

Как раз в этот момент к нему подошёл слуга, чтобы долить вина. Стоя рядом, он прошептал что-то на ухо, так тихо, что слышно было только им двоим.

Се Юаньши приподнял бровь и слегка поднял руку, но случайно столкнулся с рукой слуги, державшего кувшин. Вино пролилось ему на ноги.

Одежда Се Юаньши мгновенно промокла.

Музыка в зале продолжала играть, и, так как происшествие случилось за столом, большинство гостей не заметили этого, увлечённые танцами на сцене.

Шэнь Юйчжу, сидевший ближе всех, мгновенно нахмурился, готовый отчитать неловкого слугу.

Се Юаньши вовремя схватил его за рукав, опасаясь, что если тот заговорит, всё внимание обратится на них:

— Ничего, ничего, я просто переоденусь.

Шэнь Юйчжу уже собирался встать:

— Я пойду с тобой.

Се Юаньши легонько прижал его за плечо:

— Не нужно, я быстро вернусь. Ужин продолжается, и Ваше Величество не стоит покидать его.

Шэнь Юйчжу неохотно остался на месте, наблюдая за танцующими девушками, но ему было скучно.

На сцену вышла следующая девушка — знаменитая своей грацией Хуа Циньчжу, шестая дочь из семьи Хуа.

Мастерство сразу же проявилось — всего два движения, и все присутствующие выпрямились, заворожённо наблюдая.

Её стройная фигура и изящные движения, а также строгое воспитание в знатной семье Хуа произвели впечатление.

Старейшина Сун был весьма доволен Хуа Циньчжу и повернулся к Шэнь Юйчжу. Тот, посмотрев пару мгновений, подумал, что танец действительно хорош, но вскоре снова отвлёкся, начав чистить апельсин.

Старейшина Сун: «...» Что он вообще делает!

Он специально отправил князя Цинь подальше, а император всё равно чистит фрукты!

Шэнь Юйчжу не уловил мысли старейшины и бросил кожуру.

Хватит!

Пойду найду Юаньши!

Старейшина Сун: «?»

Куда?

Куда!!

Переодевание

Ваше Величество, почему вы тоже вышли?

Старейшина Сун чуть не прожѐг взглядом спину Шэнь Юйчжу, когда тот покидал зал, но тот, ничего не замечая, свернул за угол и исчез.

Некоторые из присутствующих, как и старейшина Сун, следили за императором. Когда Шэнь Юйчжу ушёл, семьи, мечтавшие о месте в императорском дворце, обменялись многозначительными взглядами.

Похоже, на этом Пиру ста цветов им не удастся завоевать расположение императора.

Хотя это и разочаровывало, но не стало неожиданностью.

Се Юаньши попросил Ся Пэя принести запасную одежду из кареты. Когда тот вернулся, он ворчал:

— Господин, вы слишком мягки. Этот слуга осмелился вас толкнуть, и его следовало наказать.

Се Юаньши усмехнулся. Слуга сразу же шепнул ему, что его послал старейшина Сун, чтобы отвлечь, но он не собирался рассказывать об этом Ся Пэю.

Он снял пояс и повесил мокрую верхнюю одежду на стул.

Ся Пэй, встав на стул, перегнулся через ширму:

— Господин, промокла ли нижняя одежда? В карете только верхняя, может, одолжить у императора? Простуда может усилиться.

Се Юаньши бросил на него лёгкий неодобрительный взгляд:

— Слезай со стула.

Ся Пэй послушно опустил голову и спрыгнул.

Се Юаньши протянул руку к ширме:

— Дай мне одежду.

Прошло мгновение, но Ся Пэй не двигался. Се Юаньши с удивлением сделал шаг в сторону,

как раз вовремя, чтобы столкнуться с вошедшим Шэнь Юйчжу.

Шэнь Юйчжу, держа одежду, которую он только что взял у Ся Пэя, собирался помочь ему одеться.

Дверь тихо закрылась, и Ся Пэй, передав одежду Шэнь Юйчжу, уже бесшумно вышел.

Се Юаньши: «...»

То есть, почему ты здесь?

Шэнь Юйчжу, видя, что он стоит на месте, протянул одежду:

— Почему не одеваешься?

Се Юаньши вдел руку в рукав, уже представляя выражение лица старейшины Суна, и с лёгким вздохом сказал:

— Почему ты тоже вышел?

Шэнь Юйчжу взял пояс и начал завязывать его, но Се Юаньши перехватил:

— Я сам.

Шэнь Юйчжу передал ему пояс:

— Внутри было скучно, вот и вышел прогуляться.

— Мне показалось, всё было неплохо, — некоторые выступления девушек даже вызывали у него восхищение, и он нашёл первую часть вечера весьма интересной.

— Да, неплохо, — ни одна из девушек, выступавших на Пиру ста цветов, не была посредственной, но Шэнь Юйчжу говорил с полной искренностью:

— Но я с самого начала знал, что старейшина Сун устроил это, чтобы убедить меня выбрать жену. Поэтому я не мог просто наслаждаться этим, как ты.

Се Юаньши не знал, что на это ответить:

— Только не говори этого старейшине Суну, иначе он тут же упадёт в обморок от злости.

Какое отношение это имеет к старейшине Суну? Шэнь Юйчжу ответил:

— Если и нельзя говорить, то только тёте Хуалин, а старейшине Суну лучше говорить почаще, чтобы он перестал постоянно придумывать, как заставить меня жениться.

Се Юаньши не смог сдержать улыбку.

— Пойдём, вернёмся. Если мы задержимся, министры начнут волноваться.

Когда они вернулись на свои места, танцевальные представления уже закончились, и слуги начали выносить работы девушек, выбравших голубые цветы.

Одну за другой картины были выставлены на обозрение. На одних были изображены горы и реки, на других — цветы и насекомые, сопровождаемые стихами, как классическими, так и

сочинёнными самими авторами.

Когда дошло до Цуй Юйтун, первой дочери семьи Цуй, на картине была изображена танцующая красавица с тонкой талией, изящными рукавами и юбкой, что полностью соответствовало описанию «похоже и в форме, и в духе».

Важно отметить, что каждый, кто видел эту картину, мог узнать в ней Хуа Циньчжу, только что покорившую зал своим танцем.

В правом верхнем углу было написано стихотворение, восхваляющее красоту и грацию танцовщицы.

Если другие девушки могли подготовить свои работы заранее, то Цуй Юйтун и Хуа Циньчжу никогда не общались, и Цуй Юйтун не могла знать, в каком наряде и какой танец исполнит Хуа Циньчжу.

Цуй Юйтун действительно создала свою работу на месте, и, сравнивая её с остальными, можно было сразу увидеть превосходство.

Хотя уровень других девушек также был высок, очевидно, что знаменитая Цуй Юйтун превзошла их всех.

Старейшина Сун, почувствовав, что его настроение, испорченное императором, немного улучшилось, с радостью заметил, что выступление Цуй Юйтун оказалось даже более впечатляющим, чем у Хуа Циньчжу, и сразу же посмотрел на реакцию императора.

Шэнь Юйчжу действительно оценивал картину Цуй Юйтун, обсуждая её с Се Юаньши.

— Цуй Юйтун — настоящий талант. Её мастерство в живописи достигло совершенства.

Он хотел добавить, что у него нет никаких чувств к Цуй Юйтун, а лишь восхищение её работами, но решил, что это излишне и может показаться попыткой оправдаться.

Се Юаньши задумчиво кивнул, и Шэнь Юйчжу спросил:

— О чём думаешь? Что-то не так?

Се Юаньши указал на картину и, наклонившись, тихо сказал:

— Я уже говорил тебе, что старейшина Сун приносил ко мне целый сундук с картинами.

Шэнь Юйчжу помнил, что Се Юаньши говорил, что все девушки на тех картинах были невероятно красивы.

— Среди них была девушка, которая тебе понравилась?

Се Юаньши: «...»

Се Юаньши всё ещё думал о художнике, создавшем те картины, и не сразу нашёл подходящий ответ.

Как он до этого додумался?

— Как ты вообще смог связать это?

Шэнь Юйчжу снова задумался:

— Те девушки не были так красивы, как Хуа Циньчжу на картине Цуй Юйтун?

— Эээ... — Се Юаньши объяснил:

— Мастерство художника было невероятно высоким. Я заметил, что работы Цуй Юйтун и картины, которые приносил старейшина Сун, имеют схожий стиль.

Но вряд ли художник, которого нашёл старейшина Сун, был Цуй Юйтун.

— А, понятно.

Шэнь Юйчжу слегка кашлянул:

— Ты думаешь, Цуй Юйтун училась у художника старейшины Суна?

Се Юаньши просто был немного любопытен, но не хотел углубляться:

— Возможно, они просто из одной школы.

[Примечания к главе отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16209/1454939>